

Не Фэйлуань, с улыбкой сквозь слёзы, обняла её и сказала:

— Нет, я знаю, как тебе нелегко, и заплакала только потому, что поняла это...

Тянь Мими на мгновение застыла, а затем, расплывшись в улыбке, произнесла:

— Добрая сестра.

Она достала из рукава нефритовый амулет и мягко сказала:

— Каждую ночь я кладу его под подушку, не зная, кому его отдать. Это военный знак области Циньчжоу. Мама говорила мне, что когда нет нужды в мобилизации войск, дедушкин знак всегда хранится у бабушки. В этой жизни я могу выйти замуж за другого, но то, что важнее моей жизни, я хочу передать только тебе.

После свадьбы наследного принца и его супруги они предстали перед императором Чу. Наложница Жун чрезвычайно ценила принцессу Яньцин и осыпала её милостями. Она подарила ей служанок и придворных дам. Сопровождающие принцессу Яньцин служанки были уроженками У, и им разрешалось носить одежды У, не меняя на наряды дворца Чу. Однако в день аудиенции служанки все переоделись в одеяния дворца Чу. Принцесса Яньцин улыбнулась и сказала:

— Выйдя замуж, я последовала за мужем и сменила одежду на наряды Чу. Как же они могут не сделать того же?

Ранее, через посредничество супруги наследного принца Чжаохуай, для принца была выбрана внучка левого министра Гао Э в качестве наложницы. Изначально, чтобы выразить уважение к принцессе Яньцин, свадьбу планировали провести через месяц. Однако сама принцесса Яньцин попросила императора Чу перенести дату свадьбы на более ранний срок, чтобы ускорить появление потомства в восточном дворце. У наследного принца были супруга, наложница, лани и таланты. Через две недели в восточный дворец вошла наложница Гао, и одновременно император Чу издал указ, даровав племяннице великого генерала Лю право войти в восточный дворец через три месяца в качестве лани. Всё чиновничество услышало о добродетелях супруги наследного принца.

В начале девятого месяца в маленький дворик у подножия храма Холодной Сосны за пределами города Учэн переехала супружеская пара. Мужчина представился как господин У, а его супруга, госпожа У, была на шестом месяце беременности. Их обслуживали три служанки и две прислужницы.

Супруги У были просты в обращении. Госпожа У увлекалась буддизмом, днём она медленно переписывала сутры, владея искусством мелкого каллиграфического письма. Она могла написать несколько сотен иероглифов за день. Её муж иногда брал кисть и присоединялся к ней. После того как она заканчивала переписывать одну книгу, через несколько дней её относили в храм Холодной Сосны, где передавали монахам для подношения перед Буддой.

На рассвете на горной тропе среди сосен появилась фигура в простой одежде. Вокруг горные

вершины были покрыты жёлтыми листьями, но у подножия храма Холодной Сосны всё ещё сохранялась зелень.

Утренняя роса была густой, и поднявшись к воротам храма, он уже был покрыт каплями сосновой росы. Передав рукописные сутры монаху-привратнику, он попрощался. Из четырёх переписанных сутр три были работой «госпожи У», а одна — «господина У». Храм Холодной Сосны, хотя и был уединённым и возвышенным, всё же являлся крупным буддийским храмом в Южной Чу. Каждый месяц сотни верующих приносили рукописные сутры, надеясь получить благословение перед Буддой и заслужить немного доброй кармы.

Два чистоплотных и приятной внешности монаха под старой сосной перелистывали рукописные сутры. Один из них улыбнулся и сказал:

— Эта пара приносит сутры уже полмесяца, и им всё не надоедает.

Другой не согласился:

— Почерк госпожи У аккуратный, но кажется слишком застывшим. Зато её муж действительно пишет с мастерством.

Пока они говорили, горный ветер подхватил несколько страниц рукописей, и они, словно белые бабочки, улетели в кучу сосновых иголок. Собирающий хворост монах, лет сорока, высокий и стройный, с морщинками у глаз, в выцветшей серой рясе, был странствующим монахом, остановившимся здесь. Он работал, чтобы прокормиться.

Серый монах положил хворост, собрал разлетевшиеся страницы и с улыбкой сказал:

— Люди смеются над застывшим почерком, а я вижу лишь искреннюю преданность Будде.

Он перевернул другую страницу, остановился и долго смотрел на неё, затем тихо вздохнул и посмотрел вдаль, на тропу, по которой ушёл даритель.

Через три дня Лэ Юй снова принёс сутры в храм Холодной Сосны. Спускаясь с горы, он видел зелёные сосны, но ближе к вершине в утреннем тумане проглядывали жёлтые осенние листья. Вдруг сзади раздался голос:

— Мог бы благодетель задержаться?

Обернувшись, он увидел монаха, худощавого, лет сорока, в старой одежде, с метлой в левой руке. Его рост был примерно таким же, как у Лэ Юя. На горной тропе, кроме них двоих, никого не было, но монах всё же стоял в стороне, занимая лишь небольшое пространство на обочине. Его лицо выражало не смирение, а глубокое спокойствие.

Лэ Юй спросил:

— Могу ли я узнать имя мастера и зачем вы меня задержали?

Монах ответил:

— Благодетель обращается ко мне с уважением не потому, что моё имя известно или неизвестно. Здесь только я и благодетель, зачем нам знать имена?

Он достал из-за пазухи листок бумаги и, сложив ладони, сказал:

— Я нашёл это в храме Холодной Сосны, должно быть, это ваша работа.

Лэ Юй спросил:

— Мастер пришёл, чтобы вернуть мне переписанные сутры?

Монах ответил:

— Нет, я пришёл, чтобы попросить благодетеля переписать ещё несколько сутр, чтобы я мог поднести их перед Буддой.

Лэ Юй сказал:

— Мастер обладает острым взглядом, разве вы не видите, что на этих страницах полно злобы? Как их можно подносить Будде?

Монах опустил взгляд и спросил:

— Когда благодетель увидел меня, у вас был вопрос?

Лэ Юй, не понимая, к чему он клонит, ответил:

— Здесь только вы и я, но вы стоите в стороне. Кого вы уступаете дорогу?

Монах прочитал:

— «У меня есть три сокровища, которые я берегу. Первое — милосердие, второе — скромность, третье — не стремление быть первым в мире».

В буддизме есть три сокровища, но он говорил о трёх сокровищах даосизма. Он продолжил:

— Благодетель — прирождённый последователь даосизма. Перед вами я не смею быть первым в мире, здесь никого нет, я уступаю дорогу небу и земле.

Монах, говоря, что он последователь даосизма, знал, что он потомок семьи Лэ. Лэ Юй глубоко вздохнул, едва сдерживая смятение в душе, в груди было больно. Потомки семьи Лэ поклонялись Лао-цзы и Чжуан-цзы, знали наизусть «Даодэцзин» и «Свободное странствие», начиная обучение с «Даодэцзина». Небо и земля породили меня, сначала было небо и земля, а потом я, поэтому нужно уважать небо и землю, не стремясь быть первым в мире. Теперь,

мучимый чувствами, он всё больше погружался в злобу, всё ближе становился к демонам и всё дальше от «Дао». Только уничтожив внутреннего демона, можно вернуться на путь, но для этого нужно забыть о страстях.

Монах сказал:

— Благодетель связан с небесной судьбой, у него великая возможность достичь необыкновенного просветления, недоступного обычным людям. Но из-за злобы он постепенно теряет свою природу, и это печально! Благодетель уже оставил правильный путь, Дао не может спасти его, но Будда может. Благодетель спрашивает, как можно подносить Будде страницы, полные злобы? Почему бы и нет? Великий Будда охватывает восемьдесят четыре тысячи врат, способных устранить препятствия и уничтожить демонов. Все злые и жестокие вещи в мире могут обратиться перед Буддой и выйти из бескрайнего моря страданий.

Что это за море страданий? Не что иное, как человеческая красота, лицо, освещённое светом свечи, с отпечатком цветка на лбу. Глаза, полные слёз, губы, как поцелуй. Эти чувства и эта ненависть заставили Лэ Юя замереть на месте. Он мог бы прервать тоску, не видеть Сяо Шанли и не мечтать о нём, но как он мог смириться с тем, чтобы превратить красивейшего человека в мире, подобного яшме, в демона и уничтожить его мечом?

Монах, видя, как Лэ Юй борется с собой, с нахмуренным лбом и глазами, полными убийственного намерения, погружённый в демонические видения, закрыл глаза и вздохнул, сложив ладони. Внезапно небо и земля словно откликнулись, и сосновые иглы посыпались на землю. Лэ Юй услышал громкий грохот, разогнавший все иллюзии. С трудом пережив это, он понял, что горы, камни, сосны, облака и ветер вокруг него не двигались, только худощавый монах стоял перед ним с опущенными глазами.

Только что, вспомнив Сяо Шанли, он потерял контроль над своими мыслями. Если бы не помощь монаха, последствия были бы непредсказуемы. У Лэ Юя болели уши, в груди было тяжело, но он хлопнул в ладоши и сказал:

— Не думал, что в храме Холодной Сосны скрывается настоящий Будда. «Молчание, подобное грому», действительно оправдывает своё имя. Благодарю мастера за отрешение.

В мире боевых искусств буддийские монахи часто происходят из чань-буддизма, и их навыки «шести способностей» глубоки и обширны. Чем глубже понимание буддизма, тем выше мастерство. Чань-буддисты часто становятся аскетами, достигая уровня младшего гроссмейстера, но они живут в лишениях, трудятся и не стремятся к славе через боевые искусства.

Монах искренне сказал:

— Мне больно видеть страдания благодетеля, поэтому я взял на себя смелость изгнать демонов. Но я вижу, что ваши демоны уже очень глубоки. Сейчас вы подавляете их внутренней силой, сохраняя ясность ума, но это не долгосрочное решение. Когда злоба проникнет в кости, ваша энергия выйдет из-под контроля, и вы погрузитесь в демонический путь. Усердное поклонение Будде и ежедневное переписывание «Алмазной сутры» в пять тысяч иероглифов

может помочь вам избавиться от злобы и уничтожить внутренних демонов.

Лэ Юй, от природы обладавший яркой внешностью, теперь выглядел ещё более серьёзным. Он сказал:

— Пять тысяч иероглифов «Алмазной сутры» могут избавить от злобы, но могут ли они избавить от чувств? Мой внутренний демон — это чувства. Даже если «Алмазная сутра» будет состоять из пятидесяти тысяч иероглифов, сможет ли она остановить чувства, которые сбивают с пути? Всё, что происходит сейчас, — это моя вина. Я советую мастеру не тратить силы напрасно.

Монах горько улыбнулся:

— Я дал обет быть лодкой, чтобы переправить благодетеля через море страданий. Если благодетель не вернётся, как я могу вернуться?

<http://bllate.org/book/15272/1348120>